

Лейкин Николай Александрович

**Купец пришел!
Повествование о
разорившемся дворянине и
разбогатевших купцах**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Купец пришел! Повествование о разорившемся дворянине и разбогатевших
купцах / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. –
486 с.

ISBN 978-5-519-92976-9

ISBN 978-5-519-92976-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КУПЕЦЪ ПРИШЕЛЪ!

I.

БЫЛА ранняя весна. Деревья были еще голы, хотя уже съ сильно надувшими почками на тополяхъ, на сиренѣ и въ особенности на бузинѣ. Привѣтливое яркое солнце вызвало уже кое-гдѣ зелень на лугахъ, но низины были еще подъ водой, ручьи громко журчали и кое-гдѣ въ тѣневыхъ мѣстахъ и канавахъ лежалъ еще бѣлый снѣгъ. То тамъ, то сямъ пахали и боронили подъ ярицу, подъ овесъ и подъ картофель.

По грязной дорогѣ къ воротамъ большой барской усадьбы, стоящимъ въ толстыхъ каменныхъ столбахъ, увѣнчанныхъ чугунными львами съ оскаленными зубами, катящими правой лапой большой шаръ, подѣхалъ небольшой франтоватый тарантасъ безъ верха и остановился. Сытый, рыжій, выхоленный, слегка взмыленный конь въ нарядной сбруѣ съ густымъ мѣднымъ наборомъ и въ расписной дугѣ позвякивалъ бубенчикомъ, мотая головой. Въ тарантасѣ сидѣли двое: широколицый съ рѣденькой бородкой въ просѣдъ купецъ-лѣсопромышленникъ Мануилъ Прокофьевичъ Лифановъ и его кучеръ молодой парень Гордѣй, безбровый,

съ льяными волосами, съ еле пробивающейся бордкой и съ серебряной серьгой въ ухѣ. Онъ былъ въ нанковой поддевки съ стеганнымъ и проваченымъ задомъ, опоясанной краснымъ кушакомъ, и въ картузѣ.

— Здѣсь сойдете, Мануилъ Прокофѣичъ?—спросилъ кучеръ, обертываясь къ хозяину.

— Зачѣмъ? Съ какой стати? Чего тутъ церемониться? Теперь ужъ тутъ все наше,—отвѣчалъ Лифановъ.—И усадьба наша, и земли наши. Слѣзай, отворяй ворота настежь и подѣзжай къ главному подѣзду.

Скрипнули давно не крашенныя тяжелыя желѣзныя ворота на ржавыхъ петляхъ, и тарантасъ покотился къ большому господскому дому по широкому въѣзду, обсаженному по сторонамъ шпалерой нестриженнымъ въ прошломъ году кратегусомъ. Въѣздъ былъ грязенъ, на немъ лежали еще прошлогодній листъ, хворостъ, сбитый съ деревьевъ вѣтромъ осенью. То тамъ, то сямъ валялись старый башмакъ, прилипшая къ землѣ бумага, обглоданныя собаками кости, битые горшки, битыя бутылки, и было насорено гнѣющей соломой, щепками, древесной корой. Не подстрижены были съ осени и два тополя, стоявшіе противъ главнаго подѣзда. Среди большой круглой клумбы валялся разбитый зеркальный садовый шаръ, ржавые желѣзные обручи отъ кадки, а вокругъ всего этого вылѣзли уже изъ земли пригрѣтые весеннимъ солнцемъ и зацвѣтшіе уже голубенькія сцилы, желтые крокусы и красовался цвѣтокъ бѣлаго нарциса съ желтокраснымъ кружечкомъ внутри.

Тарантасъ, однако, проѣхалъ мимо широкаго крыльца барскаго дома, составляющаго портикъ съ толстыми сильно облупившимися бѣлыми колоннами и, по приказанію Лифанова, остановился около пристройки, составляющей кухню. Здѣсь изъ-за разбитыхъ оконныхъ стеколъ, мѣстами заклеенныхъ бумагой, показалась бабья голова въ красномъ платкѣ, изъ-за угла выскочилъ красивый сетеръ и слегка залаялъ. Около кухни было еще грязнѣе, стояла лужа помоевъ.

Лифановъ вылѣзъ изъ тарантаса. Это былъ приземистый полный человѣкъ въ высокихъ сапогахъ и резиновыхъ калошахъ, въ забрызганномъ грязью коричневомъ пальто и въ картузѣ съ бѣлымъ чехломъ. На дворѣ никого не было. Онъ посмотрѣлъ по направленію къ цѣлому ряду помѣщавшихся вдали хозяйственныхъ построекъ — и тамъ было безлюдіе. Въ хлѣву мычала корова. Экипажный сарай былъ отпертъ, изъ него торчало дышло какого-то экипажа и на немъ сушилась красная кумачевая рубаха.

— Словно вымерло все... — проговорилъ Лифановъ. — И Гурьяна-кровельщика, должно быть, здѣсь еще нѣтъ, а я послалъ его осмотрѣть крышу у дома до моего приѣзда.

— Пусто. Хоть шаромъ покати, — отвѣчалъ кучеръ. — Да вѣдь и то сказать: у нихъ и людей-то нѣтъ. Всѣ разбѣжались. Прошлый разъ мы были на Пасхѣ, такъ одинъ кучеръ, да двѣ бабы. А какой онъ кучеръ? Онъ и кучеръ, онъ и дворникъ, онъ господамъ и на столъ подаетъ. Говорятъ жалованья не платили.

Лошадь Лифанова заржала, и на это ржанье изъ экипажного сарая выглянулъ рыжебородый чело-
вѣкъ въ сѣромъ армякѣ, опоясанномъ кушакомъ,
увидаль Лифанова и побѣжалъ къ нему.

— Вонъ онъ Гурьянъ-то,—сказаль Лифановъ.—
Должно быть дрыхнулъ въ сараѣ, что-ли? Поѣзжай,
Гордѣй, туда къ сараю и стой тамъ, — обратился
онъ къ кучеру.—Да лошадь-то можно привязать и
дать ей сѣнца. Раздобудь намъ охалочку. Вѣдь
и сѣно теперь наше. Все наше.

Кучеръ направился шагомъ къ сараю. Передъ
Лифановымъ стоялъ рыжебородый кровельщикъ
Гурьянъ съ картузомъ въ рукѣ и кланялся.

Лифановъ въ отвѣтъ приподнялъ свой картузъ
и спросилъ:

— Дома-ли господа-то? Людишекъ-то никого не
видать. Не у кого спросить.

— Да вѣдь у нихъ только кухарка да кучеръ
теперь. Есть эконожка, но она, говорятъ, больше
для утѣшенія барина.

Кровельщикъ ухмыльнулся.

— Смотрѣлъ крышу на домѣ?—задалъ ему во-
просъ Лифановъ.

— Смотрѣлъ и на домѣ, и на банѣ, Мануилъ
Прокофѣичъ. Крыша на домѣ, будемъ такъ гово-
рить, одинъ срамъ. Лѣтъ шесть не крашена, право
слово. Желѣзо было хорошее, тринадцатифунтовое,
но вездѣ проржавѣло. А въ разжелобкахъ, такъ
что твое рѣшето. Придется много новаго вставить.

— Такъ вотъ ты и сообрази, сколько листовъ ку-
пить надо. Гдѣ новое вставишь, гдѣ подмажешь

сурикомъ. На Пасхѣ я осматривалъ комнаты, такъ въ верхнемъ этажѣ на всѣхъ потолкахъ протечи.

— Штукатурка сыпется, карнизы обвалились, такъ чего еще. Тутъ, Мануилъ Прокофѣичъ, съ сурикомъ ничего не подѣлаешь. Тутъ сплошь листы вставлять придется. Желѣза много понадобится.

— Такъ сколько-же, говори. Надо ужъ приступать къ работѣ. Послѣзавтра я переѣзжать хочу въ усадьбу. Не знаю, чего этотъ Пятищевъ прохлаждается и не выѣзжаетъ. Я его честь честью просилъ уѣхать, назначилъ ему послѣдній срокъ, а онъ все живетъ да живетъ. Когда ужъ срокъ-то былъ!

— Прогорѣли... хоть и важные господа, а вонецъ прогорѣли. Некуда имъ дѣться, — отвѣчалъ кровельщикъ.

— Прогаръ прогаромъ, а должно быть чести-то не понимаютъ. Хотятъ, чтобы ихъ силой выселяли, — проговорилъ Лифановъ и прибавилъ:—Такъ вотъ ты и запиши, сколько листовъ желѣза надо, сколько сурику на подмазку, сколько масла и сколько краски. Въ зеленый цвѣтъ красить буду. Дороже это, много дороже — ну, да ужъ чтобъ все было на отличку.

— Желѣза листовъ полтораستا потребуется, Мануилъ Прокофѣичъ, а то и больше.

— Да что ты! Куда-жъ такая уйма?—ужаснулся Лифановъ.

— Крыша тутъ одно разореніе—вотъ какъ запущена. Старые листы снимаемъ, выкроимъ, что получше, — баню позаплатимъ. Тамъ все запущено

такъ, что и сказать невозможно! Посмотрите-ка вы у служебъ-то... Затворы съ петель свалились—затвориться невозможно. Кучеръ говоритъ: ведра допроситься не могу, чтобъ купили лошадь поить. А старое ведро, что сито.

— Ну, трафъ...—сказалъ Лифановъ. — Вотъ желѣза куплю и приплю, такъ и ведеръ намъ понадѣлаешь. Въ большемъ хозяйствѣ нельзя безъ ведеръ.

— Это сколько угодно. Ведеръ-то мы изъ стараго желѣза понадѣлаемъ, что съ крыши снимемъ. Вотъ тутъ сурикомъ позамазать да выкрасить, такъ въ лучшемъ видѣ отслужать. Ведра въ хозяйствѣ дѣло нужное.

— Еще-бы! и скотину поить, и въ огородѣ для поливки. Садовникъ-то здѣшній сбѣжалъ или тутъ еще?

— Никакого садовника тутъ нѣтъ. Всѣ сбѣжали. Говорю вамъ, одна баба-стряпуха да кучеръ.

Лифановъ вздохнулъ.

— Удивительно, какъ это люди верхнимъ концомъ да внизъ!—произнекъ онъ.—А вѣдь когда-то, я помню, здѣсь у него были и садовникъ нѣмецъ съ цыгаркой въ зубу, и камардинъ, и буфетчикъ толстопузый во фракѣ... и поваръ, и арабченокъ въ красномъ колпакѣ на подѣздѣ. А конюховъ-то что было! А всякой челяди что! Егеръ, псарня... Лошади какія!..

— А теперъ всего пара, да и тѣ убогія... На нихъ и воду, и дрова возять, онѣ-же и господамъ на выѣздъ...

— Опустились, совсѣмъ опустились, — покачать головой Лифановъ.

— Произошли, наконецъ произошли, — прибавилъ кровельщикъ. — Лошади-то на одномъ сѣнѣ стоятъ, безъ овса. Своего овса нѣтъ, зимой продали, а съ воли не покупаетъ. Ужъ мнѣ кучеръ-то много про ихъ житѣе-бытѣе рассказывалъ, пока я васъ дожидался. Только одно слово, что господа, а выходить совсѣмъ напротивъ.

— Надо, однако, самого повидать да поговорить съ нимъ насчетъ выѣзда поосновательнѣе. Вѣдь за тѣмъ я и пріѣхалъ.

Лифановъ подошелъ къ окну кухни и сталъ стучать въ стекло.

II.

ВЪ окнѣ опять показалась женская голова въ красномъ платкѣ, и на этотъ разъ отворилась форточка.

— Генерала вашего можно повидать?—спросилъ Лифановъ.

— Да поживаетъ онъ, батюшка. Похлебалъ и поживаетъ,—былъ отвѣтъ.

— Когда-же они проснутся?

— Да теперь ужъ скоро. Вотъ барышня княжна прикажетъ самоваръ ставить—сейчасъ они и встанутъ,—говорила женщина, стоя около форточки.— Вамъ, можетъ статься, Ивана Лукича надо, такъ этотъ проснулся уже и съ трубкой давно ходить.

— Это шаршавый-то такой?—задалъ вопросъ Лифановъ.

— Да, старичекъ, капитанъ, который при нихъ существуетъ.

Купецъ пришелъ!

— Нѣтъ, этого-то мнѣ не надо. Ты вотъ что... Ты, гладкая, спроси у старой барышни, можно-ли мнѣ комнаты въ домѣ посмотрѣть. Покои любопытно-бы мнѣ видѣть. Пока генераль проснется, я покои-бы осмотрѣлъ.

Въ это время въ кухнѣ раздался дребезжащій электрическій звонокъ, и женщина въ красномъ платкѣ сказала:

— Да вотъ барышня ужъ звонятъ для самовара. Стало быть, баринъ проснулись. Идите смѣло въ подъѣздъ. Если заперто—звонитесь. Иванъ Лукичъ отворить.

— А ты все-таки доложь. Такъ неловко... Я политичность понимаю,—просилъ Лифановъ.

Женщина отправилась въ покои. Лифановъ подошелъ къ подъѣзду.

— Маляръ пріѣхалъ, — сказалъ ему кровельщикъ.—Маляръ Евстигнѣй Алексѣевъ.

— Ну, вотъ и ладно. Стало быть, тебѣ есть попутчикъ обратно. Это я его насчетъ внутренней отдѣлки...—проговорилъ Лифановъ.

— То-то ужъ... крышу-то позвольте мнѣ красить. Не лишайте меня... Кровельщикъ всегда лучше...

— Ты и будешь красить крышу, а Евстигнѣй, что внутри потребуется: шпалеры, потолки, двери...

Подбѣжалъ маляръ, очень юркій человекъ въ пальто, въ сапогахъ бураками и въ фуражкѣ съ глянцевымъ козыремъ.

— Поль-дороги пѣшкомъ шелъ, нѣтъ лошадей, хоть ты плачь. Въ посадѣ-то я не запасся возницей, думалъ къ попутному подсяду. Анъ не вышло. Ужъ на половинѣ дороги попутный мужичекъ со-

гласился подвезти,—разсказывалъ онъ, сморкнулся въ руку и отеръ носъ краснымъ бумажнымъ платкомъ, который вынулъ изъ кармана пальто.—Фасадику-то тоже придется окрасить. Очень ужъ запущенъ,—прибавилъ маляръ.

— Помолчи немного и уходи. Потомъ позову,—махнулъ ему рукой Лифановъ.

Въ это время отворилась стеклянная дверь въ подъездъ. На порогъ стоялъ небольшого роста старичекъ, худой и жилистый, въ нафабранныхъ подстриженныхъ усахъ, съ короткой сѣдой щетиной на головѣ. Онъ былъ въ кожаной курткѣ, въ брюкахъ съ краснымъ кантомъ и въ туфляхъ.

Это-то и былъ тотъ самый капитанъ, который, по словамъ прислуги, при генералѣ „существуетъ“. Его звали Иваномъ Лукичемъ Тасканьевымъ. Жилъ онъ на пенсію и состоялъ не то въ качествѣ компаньона, не то въ качествѣ приживалки при бывшемъ владѣльцѣ усадьбы Львѣ Никитичѣ Пятищевѣ, когда-то предводителѣ дворянства, котораго Лифановъ, какъ новый владѣлецъ имѣнія, пріѣхалъ понудить выселиться изъ усадьбы.

Лифановъ приподнялъ картузь и сказалъ:

— Здравствуйте. Комнатки-бы посмотрѣть любопытно насчетъ ремонта, такъ какъ я съ маляромъ... Да и самого генерала очень нужно повидать.

Капитанъ сморщился и съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на Лифанова.

— Подождите. Сейчасъ я спрошу у Льва Никитича,—проговорилъ онъ.

— Подождемъ Время терпѣть.

Капитанъ на минуту удалился, вернулся и про-
изнесъ:

— Идите. Только ноги обтереть!

— Да я въ калошахъ. Господи! чистоту-то мы любимъ больше вашего, — отвѣчалъ Лифановъ, входя въ прихожую, раскрашенную когда-то въ красный цвѣтъ въ помпейскомъ стилѣ, но сильно облупившуюся, и сталъ снимать калоши.—Вонъ какъ хорошую-то горницу запустили,—кивнулъ онъ на стѣны и потолокъ.

— Прошу безъ замѣчаній! — строго огрызнулся на него капитанъ.

— О!? Ужъ будто и говорить нельзя? Я затѣмъ пріѣхалъ. Я говорю у себя въ домѣ... Да и говорю маляру. Ну, вотъ что, Евстигнѣй Алексѣевъ: всѣ эти букетцы и колонки подправить надо. Сможешь-ли?—спросилъ маляра Лифановъ, снявъ калоши.

Снялъ калоши и маляръ и далъ отвѣтъ:

— Освѣжить? Въ лучшемъ видѣ освѣжимъ и подправимъ. Алебастрецомъ пройдемся, гдѣ требуется. Смотри-ка, рисунокъ-то какой занятный!

— Ну, теперь пойдемъ по порядку въ другія горницы.

Но тутъ капитанъ загородилъ Лифанову дорогу и злобно процѣдилъ сквозь зубы:

— Въ порядочный домъ въ пальто не входятъ. Надо раздѣться.

— Экій сердитый!—вскинулъ на него глаза Лифановъ и прибавилъ:—Ну, что-же, снимемъ.

Онъ снялъ пальто, а маляръ только распахнулся и сказалъ:

— А мнѣ, баринъ, если снять пальто, то хуже